

**С. А. Арутюнов**

## **К ПРОБЛЕМАМ ЭТНИЧНОСТИ И ИНТЕРЭТНИЧНОСТИ КУЛЬТУРЫ**

В статье В. И. Козлова «Этнос и культура»<sup>1</sup> затрагивается одна из ключевых проблем этнографии и культурологии — проблема соотношения общих и локальных культурных типов, общего и частного в культуре, национального и интернационального. Как отмечает сам автор, эта проблема по существу представляет собой комплекс взаимосвязанных проблем, анализ которых требует огромной научной работы. Я в этой статье ограничусь лишь некоторыми комментариями по отдельным поднятым В. И. Козловым вопросам.

Прежде всего следует отметить, что какое определение культуры ни было бы взято за основу, в любом случае мы придем к специфическим и обычно определенным образом институционализированным формам или способам деятельности, характерным для тех или иных общностей людей, будь то этнос, государство, класс, профессиональная группа и т. д.<sup>2</sup> Общечеловеческий характер при этом имеет именно деятельность, пределы которой задаются и биологически обусловленным типом организации человека как вида, и исторически обусловленными материально-производственными возможностями, достигнутыми на данном этапе развития человечества в целом (имеются в виду максимальные достижения данной эпохи, которые реально никогда не охватывают все человечество или его большую часть).

В рамках этих пределов имеется бесконечное число возможных вариаций способов и форм, которыми тот или иной вид деятельности может осуществляться, однако реализуется среди них лишь определенное число способов, каждый из которых и выступает как один из определителей специфики той или иной локальной культуры. Даже в таких, казалось бы, чисто биологически детерминированных видах деятельности, как дыхание, можно обнаружить региональную культурную специфику (достаточно вспомнить, например, хатха-йогу и другие локальные школы медитации). В питании потребление животного белка представляет собой общечеловеческую биологическую необходимость. Однако ни в одном районе мира люди не используют все возможные виды белка, доступные в данном участке биосферы, всегда имеет место определенная, достаточно строгая избирательность, наблюдается местная специфика в наборе способов его потребления (переработки). В то же время при всем многообразии этих способов ни один из них не является присущим

<sup>1</sup> В. И. Козлов. Этнос и культура (К проблеме соотношения национального и интернационального в этнографическом изучении культуры). — «Сов. этнография», 1979, № 3 (в дальнейшем ссылки на эту статью даются в тексте).

<sup>2</sup> Э. С. Маркарян. Очерки теории культуры. Ереван, 1969, с. 66; *его же*. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973, с. 26—43.

или известным всему человечеству в целом. Даже такие генеральные способы, как варка или жарка мяса, не являются абсолютно универсальными, не говоря уже об их многочисленных конкретных вариантах.

Отдельные специфические культурные черты могут быть специфическими этнически (для какого-либо одного этноса), субэтнически (лишь для его определенной части, локальной или социальной); они могут быть и суперэтническими, распространенными на ряд этносов. В последнем случае эти черты можно подразделить на узко региональные, охватывающие лишь ограниченное число географически и культурно близких этносов, либо подлинно интернациональные, т. е. представленные у этносов, весьма разнородных во многих своих других определяющих чертах. Однако даже те слои и сегменты культуры, которые могут быть названы интернациональными, никогда не охватывали и не охватывают всего человечества в целом; они неизбежно имеют свои определенные границы как в географическом, так и в социальном пространстве; иными словами, они тяготеют к определенным географическим или социальным локусам. Таким образом, любая конкретная культура или отдельная культурная черта, даже имеющая право называться интернациональной, тем не менее не перестает быть по своему существу локальной.

Можно в целом согласиться с В. И. Козловым, что основные формы материальной культуры определяются чаще спецификой локальных ХКТ (хозяйственно-культурных типов), нежели этнической спецификой, однако определяющую роль ХКТ нельзя абсолютизировать. При едином в общем кочевом скотоводческом ХКТ и, более того, при сходных даже в деталях его локальных вариантах в некоторых странах, этносы тюрко-монгольского происхождения, как правило, стойко придерживаются юрты как основного типа жилища от Средиземноморья (юрюки-бегдик) почти до берегов Тихого океана (чахарские монголы), тогда как этносы, говорящие на семитских, индо-европейских и тибетских языках, в той же географической амплитуде (от Северной Африки до Восточного Тибета и Юньнана) столь же стойко держатся другого типа традиционного кочевого жилища, так называемого «черного шатра», воспринятого, впрочем, и многими другими группами юрков. Высокая степень единства природных условий и ХКТ поливных пашенных рисоводов в значительной части равнинных районов стран Южной и Юго-Восточной Азии (Индия, Шри Ланка, Бангладеш, Бирма, Таиланд, Лаос, Кампучия и др.) никак не может объяснить нам, почему в питании одних народов здесь молоко и молочные продукты занимают важнейшее место, а для других, ничуть не менее широко разводящих коров и буйволов, напротив, являются совершенно неприемлемыми.

В некоторых комментариях нуждается и тезис В. И. Козлова о нивелирующем воздействии капитализма на все элементы материальной культуры. Разумеется, такое воздействие имеет место, и было бы нелепо его отрицать или преуменьшать его масштабы. Однако и оно не абсолютно. Даже в области моторостроения, станкостроения, приборостроения можно выделить региональные различия, тяготеющие к определенным «национальным школам» — американской, английской, французской, позднее — японской; они, разумеется, не касаются технологической основы, в каждый исторический момент более или менее единой для всего мира, но проявляются в компоновке, дизайне и тому подобных внешних, формальных параметрах, так что опытный специалист если и не всегда, то в достаточно показательном числе случаев обычно сможет по этим признакам определить, какое происхождение имеет то или иное изделие, даже не глядя на его фабричную марку. Различия «национальных школ» еще явнее, когда речь идет о предметах массового потребления, в особенности являющихся носителем социально-престижного знака, как, например, легковой автомобиль. Здесь они без труда определяются уже на любительском уровне.

Следует, кстати, отметить, что и в доиндустриальную эпоху, в обществах со всецело традиционалистской культурой, изопрагмы (т. е. границы ареалов) явлений<sup>3</sup>, относящихся к культуре потребления и жизнеобеспечения, имели большую тенденцию к совпадению с этноисторическими границами, нежели у явлений, относящихся к культуре первичного производства. В уже упоминавшихся обширных зонах пустынь и степей Африки и Евразии или влажных тропиков Южной и Юго-Восточной Азии, где в области пищи и жилища мы отметили определенные этнические разграничения, их было бы, бесспорно, труднее провести на материале ножиц для стрижки овец или же пахотных орудий и методов ирригации.

Ряд неточных, на наш взгляд, утверждений можно отметить на с. 76 обсуждаемой статьи. Верно, что некоторые традиционные блюда можно найти лишь в меню национальных ресторанов, да и то чаще всего с отметкой «нет». Но не они определяют современный профиль питания. Зато борщ, который можно встретить в повседневном меню колхозника нечерноземной части России, будет сильно отличаться от «борща» (под тем же названием) в семье армянского колхозника, не только по набору основных ингредиентов, наличию или отсутствию сметанной добавки, но и прежде всего по количеству и набору специй, в которых ярко отразится этническая пищевая традиция. Верно, что «городской» костюм сменил традиционные комплексы одежды; однако, если мы сравним, как одевается городская молодежь в Эстонии и в Армении, какие излюбленные крои головных уборов, зимних и летних, она предпочитает, сколь часто она употребляет галстук в комплексе с сорочкой (в Эстонии чаще) или, напротив, сорочку, а не свитер или кофту-водолазку, в комплексе с курткой или пиджаком (в Армении чаще), какой процент брюк яркой, теплой гаммы (красных, малиновых и пр.) можно сегодня увидеть у публики, собравшейся на стадионе, и так далее, то мы заметим различия, которые в конечном счете нельзя объяснить ничем иным, как преобразованными этническими традициями. Такие же различия мы найдем и в характере современной сельской застройки этих двух республик, причем, как правило, климатическими соображениями объяснить их не сможем. Что касается индийских сари, о которых пишет В. И. Козлов, то, не отрицая сословно-профессиональных различий по некоторым их параметрам, следует подчеркнуть, что основная масса различий, безусловно, пролегает по линиям региональных границ, во многом совпадающих с этническими. Индийский традиционный женский костюм, почти нигде не уступивший еще своих позиций европейскому, подвержен эволюции и воздействию факторов моды не менее, чем последний, но все эти изменения происходят в пределах этно-региональных границ.

В целом можно констатировать, что в условиях индустриализации и урбанизации материальной культуры в регионах со смешанным этническим составом этнические различия в ней становятся, действительно, в отличие от доиндустриального периода, мало заметны (хотя и из этого правила есть существенные исключения). Однако стирание внутрирегиональных различий сопровождается сохранением линий межрегионального разграничения. Эти линии в современных условиях базируются на изопрагмах явлений не только традиционной, но, главным образом, современной индустриально-урбанистической материальной культуры. Именно в ней формируются локальные варианты, отличающиеся не столько характером отдельных элементов (крой одежды, планировка квартиры, формы мебелировки), сколько характером преобладающей избирательности к ним (выбор излюбленных цветов и материалов из широкого ассортимента фабричного текстиля, статистическое преобла-

<sup>3</sup> Термин введен Н. И. Толстым (см. *Н. И. Толстой. Об одной карпатско-южнославянской изопрагме.* — «Симпозиум по проблемам карпатского языкознания. Тезисы докладов и сообщений». М., 1973, с. 50—55).

дание тех или иных комбинаций европейской одежды, организация функционального использования жилого пространства, подбор и расстановка элементов мебелировки), а главное, различиями в распределении нагрузки социально-престижной знаковости по разным элементам материальной культуры. Поскольку в каждом регионе основным субъектом формирования этих различий выступает доминирующий в данном регионе этнос, их вполне можно считать этническими. Другое дело, что в силу уже указанной специфики выражения различий для их фиксации и анализа требуется иной методический подход, нежели при изучении явлений традиционной материальной культуры. Кроме того, эти различия подвержены большой вариабильности как между разными социальными условиями в данном регионе, так и в эпохальном аспекте.

Культура как глобальный феномен представляет собой диффузное единство множества процессов и явлений. Членения, которые мы вносим в нее при ее анализе, соответствуют реальным, объективным различиям, но в зависимости от сужения познавательных задач исследования мы концентрируем свое внимание лишь на определенных категориях различий. Вряд ли можно оспаривать правомерность выделения субкультуры отдельного класса (в рамках отдельного этноса или в межэтническом плане), отдельных видов и общностей профессиональной или конфессиональной культуры и так далее. Но это выделение может производиться лишь на основе какой-то небольшой определенной части общей культурной совокупности. Выделение же этнических или этнорегиональных культур, а еще точнее, культур определенных этносоциальных организмов (ЭСО) <sup>4</sup> отвечает наиболее широким познавательным задачам, так как производится на основе гораздо большей доли совокупного культурного достояния выделяемой общности (хотя, разумеется, эта доля никогда не может равняться целому, т. е. всей совокупности культурного достояния). При этом в рамки ЭСО объективно вполне правомерно окажутся включенными и те индивиды, о которых В. И. Козлов говорит (на с. 82), что субъективно они затрудняются отнести себя к определенному этносу.

В. И. Козлов проводит различие между этнической культурой и культурой этноса. Хотя определений их и не дается, но смысл такого различения из контекста вполне понятен. Оно правомерно, но недостаточно. Различать желательно целый ряд категорий, а именно: традиционную этническую культуру, куда могут быть включены лишь те традиции и элементы в культуре, которые зародились в доиндустриальный период развития этноса (они, действительно, уже почти нигде не образуют системы); этническую культуру современности, которая наряду с предыдущей включает вариативно адаптированные к нуждам и ценностям этноса инновации, в том числе и интернационального характера, и образует в рамках ЭСО определенную систему: культуру этника, которая ограничена лишь слоем, общим для всех локальных групп данного этника, нередко очень узким, но все же образующим систему, служащую целям коммуникации этих групп; и наконец, культуру ЭСО, своего рода надсистему, включающую как все предыдущие, так и те элементы инонациональной и интернациональной культуры, которые приняты данным ЭСО, но не подвергнуты этнически специфичной адаптации (произведения инонациональных литератур, достижения мировой науки и т. д.). Впрочем, если произведение инонациональной литературы переводится на язык данного этноса, это уже можно расценивать как определенный уровень этнически специфичной адаптации.

Что касается утверждения о том, что в духовной культуре в целом этническая специфика выступает сильнее, чем в материальной (с. 77), то В. И. Козлов сам показывает далее, сколь много ее компонентов

<sup>4</sup> См. Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 36—46.

(язык, фольклорные сюжеты и мотивы) оказываются межэтническими ничуть не в меньшей мере, чем, скажем, пахотные орудия, а с другой стороны, какая значительная ее часть оказывается резко социально дифференцированной, причем эта дифференциация в наши дни в индустриально развитых странах в ряде областей духовной культуры может выступать гораздо резче, чем в культуре материальной, где качественные социальные различия более сглажены.

Все вышесказанное подводит нас к тому, что на современном этапе развития этнокультурных процессов при выделении этнически специфического, традиционное деление культуры на духовную и материальную оказывается мало действенным; одни части этих двух подразделений «работают» в этом плане, а другие — нет. Более действенным нам представляется четверное деление совокупного культурного достояния любого ЭСО, предложенное, в частности, Ю. И. Мкртумяном<sup>5</sup>. Приняв такое деление, мы видим, что в культуре первичного производства преобладают этнически мало специфичные элементы, значительно шире этническая специфика представлена в культуре жизнеобеспечения; в гуманитарной культуре мы находим огромное число как интернациональных, так и иноэтнических компонентов, ибо общий запас (тезаурус) гуманитарных знаний современного образованного человека проявляет наибольшее тяготение к охвату общемирового, общечеловеческого достояния; зато в соционормативной культуре мы обнаруживаем наибольшую долю этнически специфического. Именно здесь сосредоточены ценностные ориентации и ценностное маркирование. Этому маркированию подвергаются культурные элементы, лежащие в других разделах совокупного культурного достояния.

Важным средством маркирования выступает язык: достаточно назвать почти идентичные виды молочнокислых продуктов или вертельных жарких терминами мацун, йогурт, айран, или ховоац, цвади, шиш-кебаб, чтобы они ассоциировались именно со «своей», этнически специфической культурой, хотя сами эти термины на деле могут иметь также и межэтническое распространение. В тех случаях, когда межэтничен сам язык, будь то немецкий (для австрийцев, немцев, германошвейцарцев) или малайский (для малайзийцев и индонезийцев), испанский (для разных этносов Латинской Америки), сербохорватский (для сербов и хорватов), он в свою очередь подвергается маркировке, часто вполне намеренной и осознанной, средствами алфавита, орфографии, диалектной лексической нагрузки, после чего опять-таки воспринимается как «свой», этнически специфичный. Более или менее неосознанная или осознанная этнически специфичная ценностная маркировка распространяется на все сферы культуры жизнеобеспечения и гуманитарной культуры, и именно благодаря ей «Лунная соната» относится к немецкой культуре, балет «Щелкунчик» (с его заведомо немецким сюжетом!) — к русской, а «Отелло» (в любой постановке трагедии) — к английской. Однако нередко такая маркировка отрицается изначально (как в случае с гимном «Интернационал» и рядом других гимнов международного характера) или же не возникает в отчетливой форме (как в случае с оперой «Аида», написанной по международному социальному заказу к открытию Суэцкого канала и не воспринимающейся как специфически итальянская). Что же касается научных трудов, будь то «Капитал» Маркса, периодическая таблица Менделеева, или формула  $E=mc^2$  Эйнштейна, то они интернациональны изначально, и какие-либо претензии на их этническую привязку совершенно беспочвенны, поскольку с момента создания они были адресованы человечеству в целом.

<sup>5</sup> Ю. И. Мкртумян. Основные компоненты культуры этноса. — «Методологические проблемы исследования этнической культуры. Материалы симпозиума». Ереван, 1978, с. 42.

Очень односторонним и суженным выглядит поэтому утверждение В. И. Козлова, что «традиционные материальные культуры этносов обычно взаимодействуют не между собой, а с межэтнической, или интернациональной, материальной культурой, постепенно уступая ей» (с. 83). Во-первых, интернациональная культура — это философская абстракция; реально существуют лишь ее отдельные зональные варианты. Во-вторых, основным конечным источником обогащения интернациональной материальной культуры остаются локальные, этнические, традиционные культуры, которые, таким образом, действительно обогащают друг друга, хотя чаще всего не непосредственно, а опосредованно через какой-либо зональный вариант интернациональной культуры. В-третьих, наконец, материальные культуры отдельных ЭСО взаимодействуют с межэтнической (интернациональной) культурой, не столько уступая ей, сколько адаптируя ее, приспособлявая ее к своим специфическим нуждам, вычлняя в ней таким образом новые локальные варианты и маркируя ее элементы спецификой своей ценностной ориентации. Такая маркировка может вполне успешно достигаться хотя бы и «украшением общественных зданий традиционными орнаментами» (с. 76), а может осуществляться и более глубокими структурирующими средствами. Именно в силу такой структурной маркировки коньяк стал специфично маркированным элементом в армянской культуре, где с ним оказались связанными определенные престижно-ритуальные закономерности, а в грузинской не стал; пиво вписалось в японскую этническую традицию, а вино не вписалось, хотя при желании найти его в продаже можно. С традиционно-этнографической точки зрения, такие элементы «традиционными» не становятся, по существу же в развитие этнически специфичных традиций они включаются. Я нарочно привожу здесь самые примитивные, заземленные примеры; их можно было бы привести в избытке и из более высоких и значимых сфер культуры, но это потребовало бы более сложного анализа.

Справедливости ради следует отметить, что В. И. Козлов упоминает о возможности «этнической интеграции элементов интернациональной культуры», но делает это между прочим вскользь, не приводя никаких примеров и ссылок, тогда как на самом деле суть поставленной им проблемы именно в этом и состоит. И если взглянуть на нее под таким углом зрения, то не будет никаких оснований относить «к каким-либо недоразумениям» (с. 85) концепцию М. И. Куличенко, методологически, на наш взгляд, вполне оправданно отрицавшую «вытеснение» национального интернациональным.

Интернационализация культуры — процесс безусловно прогрессивный. Не следует лишь смотреть на него как на ограниченное временными рамками явление, которое должно-де когда-то «завершиться», причем чем скорее, тем лучше. Процесс «интернационализации», т. е. всемирной интеграции культуры шел и будет идти с тех пор и дотол, пока существует сама культура. Он состоит в постоянном приобщении всего человечества к наиболее прогрессивным культурным инновациям, имеющим в момент своего возникновения локально ограниченный характер, в их поднятии на глобальный уровень и последующей повсеместной адаптации к разнообразным локальным специфическим условиям.

Нельзя закрывать глаза и на тот факт, что в современном мире в процессе усвоения и адаптации тех элементов культуры, которые поднялись на интернациональный уровень, происходит нередко и утеря отдельными этнически специфичными культурами некоторых своих положительных и ценных компонентов, а иногда и полная утеря локального и этнического своеобразия. Нельзя согласиться с В. И. Козловым, что это следует объективно воспринимать как закономерное, положительное явление (с. 85). Мне представляется гораздо более верным мнение Т. П. Григорьевой о том, что «народ обязан сберечь свое национальное

достояние, ибо только в этом случае он сможет внести в общую сокровищницу народов что-то свое, неповторимое, без чего невозможно мировое единство. В этом, а не в том, чтобы быть „как все”, и состоит его интернациональный долг. Тот, кто забывает об этом, не только ущемляет национальное чувство другого народа, но и наносит ущерб самому себе, ибо отказывается от того, что принадлежит всем...»<sup>6</sup>.

#### **TO THE PROBLEMS OF THE ETHNICITY AND INTER-ETHNICITY OF CULTURE**

Proceeding from the conception of culture as a mode of activity we observe that no actual mode of activity is totally universal. Thus any concrete cultural trait, even one belonging to those of an international character, remains restricted to a particular area. The expansion of the area where such traits occur is invariably accompanied by the emergence of local variants and by a certain selectivity with regard to them on the part of different recipient ethnoses. As a result of this, a large part of international culture exists only in the form of ethnically distinct variations or super-ethnic regional variants. The distinction drawn by V. I. Kozlov (*Sovetskaya Etnografia*, 1979, No. 3) between ethnic culture and the culture of an ethnos is perfectly valid but incomplete. A distinction must be made between traditional ethnic culture, present-day ethnic culture (including adaptive innovations of an international scope), the culture of the ethnos and that of the ethno-social organism (ESO). It is important in what way the ethnos impresses its mark upon various cultural elements. The internationalization of culture is in itself a progressive process but it should not be identified with cultural levelling or with the loss of ethnic individuality.

<sup>6</sup> Т. П. Григорьева. Японская художественная традиция. М., 1979, с. 19—20.